

Тезис, антитезис, синтез Олжаса Сулейменова в казахстанской исторической кинодокументалистике 1960-х гг.

Игорь В. Крупко

Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Республика Казахстан,

Жулдузбек Б. Абылхожин

Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Республика Казахстан,

Жибек С. Сыздыкова

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация

В статье исследуется роль казахстанской кинодокументалистики 1960-х годов в историческом процессе преодоления культурных травм и разрывов постномадной культуры казахов, происходившего в условиях советского государства. Авторы ставят вопрос о границах исторической памяти и субъектности казахской культуры второй половины XX в.

Анализируются три ключевых документальных фильма студии «Казахфильм» 1960-х гг., созданных под руководством и идейным влиянием поэта Олжаса Сулейменова. Подчеркивается, что в условиях советской цензуры, умело адаптируя существовавшие идеологические каноны, авторы использовали визуальный и поэтический язык как инструмент культурного самоосмысления. Три исследуемых фильма располагаются по отношению друг к другу и к историческому контексту эпохи в гегелевскую триаду: тезис — антитезис — синтез. Логика фильмов выстраивается как движение от локальных дихотомий к универсальным культурным нарративам и преодолению навязанных культурных иерархий в диалоге с ними.

В фильме «По закону сохранения дум» (1966 г.) О. Сулейменов исследует тему культурного наследия средневековых городов Центральной Азии и проблему культурных разрывов. Фильм «История знака коровы» (1968 г.) преодолевает локальные историко-культурные дихотомии, исследуя происхождение культуры человечества. В третьем фильме «Память земли» (1970 г.) объединены размышления об этнокультурных разрывах истории казахов и всемирном культурном наследии человечества в обретении народами исторической субъектности.

Авторы исследуют эвристический потенциал нарративов творческой интеллигенции советского Казахстана, воплотившийся в исторической кинодокументалистике.

Ключевые слова: постномадная культура; историческая память; субъектность; кинодокументалистика; визуальная антропология; Олжас Сулейменов; Казахстан; 1960-е годы; культурная травма; казахи

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP19680622 «Идеологические дискуссии 20–50 гг. XX в. и их воздействие на деформацию научного исторического знания в советское и постсоветское время».

Для цитирования:

Крупко И. В., Абылхожин Ж. Б., Сыздыкова Ж. С. Тезис, антитезис, синтез Олжаса Сулейменова в казахстанской исторической кинодокументалистике 1960-х гг. // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 389–406. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.23>

Крупко Игорь Владимирович — доктор философии (PhD), заместитель директора по науке и внешним связям Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО. Адрес: Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Кунаева, д. 120/94. Эл. адрес: tengri95hismatulin@mail.ru

Абылхожин Жулдузбек Бекмухаммедович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. Адрес: Республика Казахстан, 050000, г. Алматы, ул. Шевченко, д. 28. Эл. адрес: abylkhozhin@mail.ru

Сыздыкова Жибек Сапарбековна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Экология культуры Востока» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Россия, 103009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11. Эл. адрес: ссса-iaas@yandex.ru

Article

Thesis, Antithesis, and Synthesis in Olzhas Suleimenov's Conception in Kazakhstani Historical Documentary Cinema of the 1960s

Igor V. Krupko

International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Republic of Kazakhstan,

Zhuldyzbek B. Abylkhozhin

Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan,

Zhibek S. Syzdykova

Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Russian Federation

This article examines the role of Kazakhstani documentary cinema of the 1960s in the historical process of overcoming cultural traumas and ruptures within post-nomadic Kazakh culture under the conditions of the Soviet state. The authors raise questions concerning the boundaries of historical memory and the subjectivity of Kazakh culture in the latter half of the twentieth century.

The analysis focuses on three key documentary films produced by the "Kazakhfilm" studio in the 1960s under the leadership and intellectual influence of the poet Olzhas Suleimenov. The authors emphasize that, within the constraints of Soviet censorship, the filmmakers skillfully adapted existing ideological canons, employing visual and poetic language as instruments of cultural self-reflection. The three films under consideration are positioned relative to each other and to the historical context of the era according to a Hegelian triad: thesis — antithesis — synthesis. The logic of the films is structured as a progression from local dichotomies to universal cultural narratives, transcending imposed cultural hierarchies through dialogue with them.

In the film "According to the law of preservation of thoughts" (1966), Suleimenov explores the theme of cultural heritage in the medieval cities of Central Asia and the problem of cultural ruptures. The film "The History of the Cow Sign" (1968) overcomes local historical and cultural dichotomies, investigating the origins of human culture. In the third film "Memory of the Earth" (1970), reflections on ethnocultural cleavages of Kazakh history and the World heritage are integrated in the context of contemporary peoples' quest for historical subjectivity.

The article highlights the heuristic potential of narratives produced by the creative intelligentsia of Soviet Kazakhstan, as realized in historical documentary filmmaking.

Keywords: *post-nomadic culture; historical memory; subjectivity; documentary cinema; visual anthropology; Olzhas Suleimenov; Kazakhstan; 1960s; cultural trauma; Kazakhs*

Financing

The article was prepared within the framework of the grant project AP19680622 "Ideological Debates of the 1920s — 1950s and Their Impact on the Distortion of Scientific Historical Knowledge in the Soviet and Post-Soviet Periods", funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation:

Krupko I. V., Abylkhozhin Zh. B. and Syzdykova Zh. S. Thesis, Antithesis, and Synthesis in Olzhas Suleimenov's Conception in Kazakhstani Historical Documentary Cinema of the 1960s. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 389-406. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.23>

KRUPKO, Igor Vladimirovich, PhD, Deputy Director for Science and External Relations, International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO. Postal address: 120/94 Kunaeva Str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050010. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5349-0256

ABYLKHOZHIN, Zhulduzbek Bekmukhammadovich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Valikhanov Institute of History and Ethnology. Postal address: 28 Shevchenko Str., Almaty, Republic of Kazakhstan, 050000. E-mail: abylkhozhin@mail.ru

SYZDYKOVA, Zhibek Saparbekovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Ecology of Oriental Culture Research Laboratory, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., Moscow, 103009, Russia. E-mail: ccca-iaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7261-7371

Введение

Одной из главных проблем нарративов исторической памяти пост-номадной культуры Казахстана оказалась ситуация культурных разрывов исторической памяти. Она отчетливо проявилась в XXI в. в неосознаваемых предпосылках и аксиоматических утверждениях, будто постсоветские нации, включая казахстанскую, получили возможности поиска и обретения исторической субъектности только после 1991 года, до этого времени существуя лишь в качестве субалтернов и фатально управляемых объектов исторической политики советской идеологии. При этом упускается из внимания интеллектуальный и творческий опыт национальных интеллигенций, наработанный во второй половине XX в., свидетельствующий о значительном эвристическом потенциале, воплощенном в национальных историографиях и культурных нарративах литературы, кинематографа и других жанрах искусства. Будучи оторванными в XX в. от традиционного хозяйственно-культурного образа жизни и соответствующих ему мировоззренческих систем, в новом столетии пост-кочевые культуры вновь оказались в аналогичной ситуации разрыва между обесцениваемым прошлым и неопределенным будущим.

Зачастую идеологиям новых государств свойственно «начинать все сначала», отрицая или игнорируя предшествующий исторический опыт, тем более, когда массовое общественное сознание подготовлено к его негативному восприятию (при этом подчеркивая преемственность с более древними культурами и государствами). В значительной степени это характерно для элит постсоветских государств, в конце XX в. получивших независимость, но так и не осмысливших длительный опыт разного рода политических и социокультурных «зависимостей».

В такой исторической ретроспективе период колониальной зависимости в дореволюционный период или этап драматического становления в условиях советской «позитивной дискриминации» (Мартин, 2002: 55–87) зачастую выполняет в нарративах исторической памяти, формирующих национальное самосознание, виктимизирующую функцию. Он обозначает такой опыт как травматический разрыв, прервавший «времен связующую нить» (термин М. М. Ауэзова¹) национальной истории. Трагедия и триумф движутся вместе в картинах исторического прошлого, взаимозависимо определяя друг друга в зеркалах исторической памяти. Добытые историками воспоминания о величии культуры в древности ощущаются и усваиваются тем ярче, чем острее переживается память о перенесенных народом испытаниях недавней истории. Настоящее актуализирует и выводит на передний план канона исторической памяти тот или иной период, героев, антигероев или события прошлого, наделенные фактором идентичности, в соотношении с которыми общество и его интеллигенция обретает себя. Эти нарративы облачают «продукт настоящего» в оболочку древности. Как пишет исследовательница исторической памяти Ю. А. Сафронова: «традиции изобретаются в моменты радикальных разрывов, но при этом создают иллюзию чего-то неизменного в мире, подверженном постоянным изменениям...» (Сафронова, 2019: 5).

После обретения независимости в исторической памяти общества образуется «этностремительный» хронотоп золотого века, помещенный в центр канона национальной истории, на периферию которого вытесняются (за некоторыми исключениями) события и герои недавних лет. На такие универсальные исторические закономерности накладываются конкретные политико-идеологические, экономические, социокультурные, геополитические и другие факторы.

Описанная проблема применима и к казахстанскому дискурсу. Можно образно охарактеризовать ее как историческую ловушку непреодоленных культурных разрывов. В первой половине XX в. этот разрыв образовался в результате драматической утраты казахами (и другими народами с кочевым способом существования и типом хозяйственной культуры последних веков) автохтонного хозяйственно-культурного образа жизни во время коллективизации, седентаризации, массового голода, вынужденного исхода кочевого населения и репрессий против первого поколения национальной интеллигенции. В конце XX — начале XXI вв. похожий разрыв для новых поколений казахстанцев произошел с колоссальным интеллектуальным и культурным опытом казахстанской интеллигенции советского периода.

Попыткой преодоления этого нового разрыва является осмысление дискурсивного опыта обретения интеллигенцией пост-кочевых народов исторической субъектности во второй половине XX в.

¹ Ауэзов М. М. *Времен связующая нить*. Алматы: Жибек Жолы, 2016.

на примере освоения казахстанской творческой элитой культурного наследия Центральной Азии и мира (Маничкин, 2024; Абылхожин, Крупко, 2024). Проблема обретения творческой интеллигенцией Казахстана исторической субъектности в данной статье, кроме вопросов о природе исторической памяти, может быть контекстуализирована и в рамках дискуссии тоталитарной и ревизионистской школ о природе субъектности советского человека. Была ли у советского человека субъектность? В своей книге «Советский Кишлак: между колониализмом и модернизацией» С. Абашин так сформулировал этот вопрос: «были ли советские люди винтиками советской машины, ее порождением и ее жертвой, либо они существовали как самостоятельные акторы со своими собственными интересами и представлениями, которые могли совпадать с интересами власти, а могли и противоречить им?» (Абашин, 2015: 16).

Анализ не только литературных и научных, но и визуальных нарративов, производимых казахстанской интеллигенцией во второй половине XX в., позволит ответить на этот вопрос более аргументированно.

И если остальные сферы социальной и культурной жизни в исследуемом нами вопросе достаточно освещены, то казахстанский документальный кинематограф 1960-х гг. на историческую тематику все еще остается историографической лакуной. Исследование этих фильмов особенно важно, поскольку позволяет проанализировать всю историческую ситуацию в целом и увидеть сумму исторических факторов, когда талант и личность автора, поддержка руководителя республики и умелое использование идеологических приоритетов советского нациестроительства создали ситуацию, позволившую национальной интеллигенции, доказавшей свое право на это, предельно свободно формулировать и воплощать идеи преодоления культурных разрывов казахской истории и обрести историческую субъектность, распространив эту систему идей на широкую телевизионную аудиторию.

В данной статье этот процесс рассматривается на материалах нескольких уникальных документальных фильмов студии «Казахфильм»: «По закону сохранения дум» (1966 г., режиссер — А. Машанов)¹, «История знака коровы» (1968 г., режиссер — Ю. Мингазитдинов)² и «Память земли» (1970 г., режиссер — А. Батпаев)³.

Выбранные нами фильмы по своей логике, содержанию и истории помещаются в классическую гегелевскую триаду (Гегель, 1997; Корневский, 2014): тезис — канва ленты «По закону сохранения дум», антитезис — «История знака коровы», синтез — «Память земли».

Тезис первого в этом ряду фильма заключается в обозначении казахстанской интеллигенцией ситуации культурных разрывов и начале поиска исторической субъектности. Антитезис второго — в преодолении локальных нарративов и развитии культурной оптики истории постномадов до универсального, всемирного значения. Третий фильм является синтезом двух предыдущих, объединяя проблематику преодоления культурных разрывов на локальном материале, вписав ее в логику всемирной истории.

Целью нашей статьи является исследование того, как процессы поиска исторической субъектности и преодоления культурных разрывов постномадной культуры казахов воплотились во второй половине XX в. в казахстанской кинодокументалистике. Из этого происходят задачи: провести обзор основных проблем седентаризма, определивших условия поиска казахстанской интеллигенцией исторической субъектности во второй половине XX в.; проанализировать фильм «По закону сохранения дум» как тезис; проанализировать фильм «История знака коровы» как антитезис; проанализировать фильм «Память земли» как синтез; проследить развитие и проявление вышеобозначенных идей в казахстанской кинодокументалистике последующих лет.

В последние годы эта тема все чаще становится объектом исследования для самых разных историко-антропологических оптик. Так, например, в статье «Кино как культурный фактор истории» М. Джанпеисова приходит к выводу, что в национальном кинематографе исследуемого периода «произошла замена понятия «тип культуры» — понятием «уровень культуры». Так была сформулирована одна из

¹ ЦГА КФДЗ РК (1966), арх. № 1845 «По закону сохранения дум», режиссер А. Машанов, оператор М. Дуганов, автор сценария А. Машанов, стихи О. Сулейменова, студия «Казахфильм».

² ЦГА КФДЗ РК (1968), арх. № 2044 «История знака коровы», режиссер Ю. Мингазитдинов, оператор В. Осенников, автор сценария О. Сулейменов, студия «Казахфильм».

³ ЦГА КФДЗ РК (1970), арх. № 4867 «Память земли», режиссер А. Батпаев, оператор Р. Сабиров, научный консультант А. Маргулан, студия «Казахфильм».

задач советской культурной политики — поднять уровень кочевых народов, «подтянуть» его к европейскому типу культуры с «братской помощью великого русского народа» (Джанпейсова, 2021).

Классифицируя перечисленные нами фильмы в качестве социально-ориентированных, насыщенных ясной идеологией конструирования советского, к методам, применяемым в данном исследовании, могут быть отнесены такие методы визуальной антропологии как дискурсивная интерпретация, герменевтический анализ, а также традиционный для историков сравнительно-исторический метод (Абикеева, 2020). Концептуальной оптикой описания избранного нами сюжета может быть выбрано «изобретение традиции» Э. Хобсбаума, а также «социальное воображение», описанное Б. Андерсоном, поскольку в исторической памяти казахского общества, во второй половине XX в. в условиях активного нацистроительства происходила рецепция культурного наследия средневековых городов из хронологической точки невозврата пост-кочевой культуры, синхронизируясь в процессе формирования общесоветской идентичности (Хобсбаум, 2000: 53–63).

Все три фильма, объединенные одной темой, связаны и авторской фигурой казахского поэта Олжаса Сулейменова (1936 г.р.) — интеллектуального и духовного лидера своего поколения, чье житнетворчество на десятилетия вперед (1960–1980-е гг.) определило рождение и смыслы произведений казахстанского искусства, включая обозначенные выше фильмы. Исследование этих трех кинематографических образцов исторической документалистики (введенных нами в научный оборот) открывает интеллектуальную историю развития казахстанской интеллигенцией визуальных методов осмысления культурного наследия, историю идей и диалектику исторических нарративов постномадного общества 1960-х гг. Творческое освоение авторами лент тех лет исторического материала произвело на свет нарративы, воплотившиеся в нескольких уникальных в жанровом отношении образцах казахстанского документального кино, за десятилетие пережившего сложную и интересную эволюцию. Исследуемое в настоящей статье кино — не об отвлеченных приключениях жанра, но о судьбе культуры и самосознании постномадov в XX в.

Проблемы седентаризма и обретения казахстанской интеллигенцией исторической субъектности

Как известно, историографическая традиция восприятия номадизма как «исторически запаздывающей» модели всемирного культурного процесса была унаследована от древних стигматизаций, порожденных противостоянием кочевого и оседло-земледельческого хозяйственно-культурных образцов жизни, (Тойнби, 1995; Кореневский, 2014; Лиджиева, 2023). Веками межкультурный диалог блокировался предубеждением, что каждый народ в истории ведом непреодолимой и неизменной судьбой (зачастую в такой картине мира судьба того или иного народа, особенно в колониальное время, совпадала с распределением функций: метрополия (центр) — колонии (периферии)) (Ерекешева, 2024).

Поэтому в дискуссиях по поводу смыслов номадизма научно-рациональные знания наталкивались на ожесточенное сопротивление культурных стигм, имевших давнюю традицию, несмотря на существовавшие в конце XIX — начала XX в. классические образцы работ выдающихся востоковедов и тюркологов, исследовавших в т. ч. и культурное наследие казахов (Потанин, 1893; Радлов, 1989). В советской публицистике и гуманитаристике наблюдались аналогичные дискуссии (Швецов, 1926; Челинцев, 1928; Асфендиаров, 1930).

А поскольку политика «диктатуры пролетариата» была нацелена на строительство социализма, что в числе прочего предполагало социально-экономическое и культурное выравнивание ранее «отсталых» советских народов, то скотоводческий образ жизни стал однозначно рассматриваться как серьезное препятствие в разворачивании этого процесса. Препятствие, которое предстояло решительно разрушить (Челинцев, 1928; Швецов, 1926; Синицын, 2019; и др.).

Однако, наряду со стратегическими целеполаганиями, существовали и, так сказать, тактические посылы — сугубо утилитарно-прагматические интересы сталинского режима, которые в тот момент удобно интегрировались в прогрессистские нарративы. В частности, задачи индустриализации, которая осуществлялась, как известно, на импортзамещающей основе — целые заводы, цеха, станки и оборудование, технологии и технические патенты и даже квалифицированные специалисты закупались за границей, для чего была остро необходима валюта, источником которой, наряду с лесом, являлся экспорт зерна. С каждым годом его требовалось все больше и больше. Экстенсивный ресурс для увеличения его объемов усматривался в расширении посевных площадей, в частности, в распаш-

ке степных просторов Казахстана, служивших пастбищами для скотоводов. Именно в этой связи было принято решение форсировать волонтаристский перевод кочевников и полукочевников на оседлые формы хозяйства и быта, который идеологически позиционировался как мероприятие по выведению скотоводов «на рельсы социального прогресса», что нашло отражение и в советской гуманитаристике (Абылхожин, 2022). Иначе говоря, традиционная стигматизация номадизма прочно и надолго воцарилась на советском концептуально-методологическом пьедестале (Масанов, 2011; Хазанов, 2002; Сеницын, 2021: 138).

Исследуя проблему этой идеологической телеологии, историки Н. Крадин и Д. Бондаренко пришли к выводу, что, согласно ей, гомеостазисный «базис» номадов и их социальная «эволюция» будто бы не переступили границ «позднепервобытной стадии» (Крадин, Бондаренко, 2002: 18).

В то же время подобная иерархическая модель к середине XX в. вступала в противоречие с актуализируемой в те годы концепцией автохтонизма, в соответствии с которой исследование древних и средневековых археологических объектов, находившихся на территории национальных республик СССР, утверждалось в качестве культурного наследия титульных народов (Толстов, 1934). В то же время, ставшее аксиоматичным за десятилетия повторений утверждение о «тупиковой» роли номадов в мировой истории для интеллектуалов нового поколения противоречило результатам научных и творческих исследований, в ходе которых происходило освоение обозначенного культурного наследия и включение его в нарративы обретения исторической субъектности (Акишев, Агеева, 1958). В этот процесс поиска исторической субъектности и преодоления культурных разрывов новые поколения творческой интеллигенции Казахстана вступили уже на правах производителей знаний.

Так, например, академиком А. Маргуланом разрабатывалась теория взаимозависимости номадов Центрального Казахстана и жителей оседло-земледельческих оазисов Юго-Восточного Казахстана (Маргулан, 1950). При этом идея наибольшей значимости средневековых городов в арсенале культурного наследия стала основополагающей. Дальнейшее комплексное исследование темы позволило ученым говорить о длительном опыте диалога различных хозяйственно-культурных типов на данной территории, принимавших различные формы в зависимости от комплекса исторических и природно-климатических факторов (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972; Байпаков, 2014). Творческой интеллигенции предстояло освоить и развить эти знания, превратив их в образы и символы исторической памяти. Но, кроме доминировавшего седентаризма, наиболее смелым представителям интеллигенции предстояло преодолеть временные границы «разрешенной» истории и иерархии, выстроенной в советской идеологической картине мироздания¹.

В этой связи богатая парадоксами история советской идеологической политики в разные десятилетия позволяет исследовать неожиданные и противоречивые последствия и результаты, далекие от изначального замысла их идейных авторов. В частности, свою роль здесь сыграли идеологические ограничения, существовавшие как в вопросе «внеисторичности» кочевой культуры, так и в проблеме нарративного начала субъектности. Ведь на закономерный вопрос новых поколений казахской интеллигенции: откуда нам отсчитывать и с чего начинать свою историю? — давался весьма определенный ответ: «Подлинная история казахского народа, как и других народов Советского Союза, началась только после Октябрьской революции»². С этого начинается и книга Д. А. Кунаева «Казахская ССР»: «До Советской власти жизнь нашего народа была подобна весне без цветов, дню без солнца, реке без воды. Человек рождался, жил, умирал, не ведая о большой жизни мира...»³.

Однако новое поколение казахстанской интеллигенции уже не могло согласиться с такой установкой.

Культурная травма «внеисторичности», вызванная многодесятилетней интелеориоризацией седентаристских стигматизаций, отражалась в произведениях казахстанской интеллигенции в качестве движущей силы. Исторические произведения (стихи, проза, кино) становились для творческих элит единственным доступным каналом утверждения субъектности своей этнической культуры. С середины XX в. часть национальной интеллигенции постепенно включается в активный процесс преодоления иерархий и идеологических приоритетов, переизобретая и находя образы своей исто-

¹ Ауэзов М. М. Дневники: уйти, чтобы вернуться. Алматы: Жибек жолы, 2011.

² Шаяхметов Ж. 30 лет борьбы и побед казахского народа под знаменем Ленина-Сталина // Большевик Казахстана. 1947. Ноябрь. № 11. С. 31.

³ Кунаев Д. А. Каз ССР. Краткий историко-экономический очерк. М.: Госполитиздат, 1958. С. 3.

рической субъектности (Абылхожин, Крупко, 2024). Наиболее очевидно это проявилось в искусстве тех лет, а особенно — в исследуемых в нашей статье фильмах, посвященных историко-культурной тематике и создававших историсофские формулы, актуальные по сей день (Абикеева, Сабитов, 2020; Краснопольская, 2018; Абылхожин, Крупко, 2022; и др.¹).

Необходимо отметить еще одну причину появления таких фильмов в 1960-е гг. в Казахской ССР. В этот период создатели названных образцов документального кино на историко-культурную и археологическую тематику в национальных республиках имели значительно большую свободу действий, в сравнении с историками — авторами научных монографий и статей. Фильмы, посвященные открытию культурного наследия, археологическим древностям и находкам в рамках концепции автохтонизма создавались и обретали массовую популярность, формально не затрагивая идеологически «спорные» вопросы современности и не являясь «антисоветскими».

Проходя по пути в прокат все разрешительные инстанции, документальное кино исторического жанра, исследуемое в нашей статье, оказалось, во-первых, менее подцензурным, а во-вторых, обрело широкого зрителя именно в телевизионном прокате. Некоторая свобода действий создателям именно этих фильмов была предоставлена и потому, что автором во всех трех случаях в разных ипостасях выступил Олжас Сулейменов — на тот момент главный редактор студии «Казахфильм», моральный и литературный авторитет нескольких поколений и, что еще более важно для нашей темы — обладавший доверием и личной поддержкой Д. А. Кунаева, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, близкого друга Л. И. Брежнева². Поэт, сохранивший в своем творчестве несмотря ни на что предельную свободу мысли и откровенность поступков.

Так, например, в статье «Кочевники и культура: казахский эксперимент» 1977 г.³, автор «Аз и Я»⁴, спустя всего год после погромной идеологической кампании против книги, почти полного изъятия ее тиража (160 тыс. экз.) и осуждения со стороны ЦК КПСС и ЦК Компартии Казахстана, О. Сулейменов только усилил свою «атаку» на седентаристские нарративы, рефлексирова так:

«Кто такой кочевник? Для ума, воспитанного историческими трудами, кочевники — это скитающиеся орды, которые не имели никакого понятия о границах или о собственности на землю. Они не были знакомы ни с моралью, ни с правом. И, естественно, не ведали таких высоких категорий, как вера, честь, совесть, любовь... Я выступаю как осуждаемый кочевник, который требует права последнего слова после приговора, вынесенного историками»⁵.

Особенность преобразующей историософии как основы жизнетворчества О. Сулейменова описали исследователи, начиная с самых первых рецензий. Так в ставшей классической рецензии на «Глиняную книгу»⁶ литературовед А. Марченко пишет о составляющей основу его поэтики «истории, а не той условной костюмированной под историю современности, которая, обещая наладить “связь времен”, не объясняет, как правило, ни прошлого, ни настоящего. Той серьезной истории, которая не сочиняется, а добывается и которую не заменить ни фейерверком исторических ассоциаций, ни социологическими схемами, увешанными антикварными безделушками»⁷.

Исследователь Т. Щербаква пишет:

«Прошлое становится сегодняшним днем, потому что оно не успело отстояться в летописях, в хрониках, отложиться в памятниках материальной культуры. Города гибли, не успев расцвести. И Сулейменову не остается ничего другого как создавать историю своего народа. В одно и то же время слово оказывается

¹ Абылхожин Ж. Б., Аманжолова Д. А., Далаева Т. Т., Крупко И. В. Визуальная антропология образов казахстанской культуры XX–XXI вв. Учебное пособие. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2022.

² Крупко И. В. Документы нечастного значения (Архивный сборник к 50-летию книги «Аз и Я») / ред.-сост. И. В. Крупко. Алматы: Technology of Imaging, 2025.

³ Сулейменов О. О. Кочевники и культура: казахский эксперимент // Сулейменов О. О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 180.

⁴ Сулейменов О. О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алматы: Service Press, 2025. См. также: Крупко И. В. Документы нечастного значения (Архивный сборник к 50-летию книги «Аз и Я») / ред.-сост. И. В. Крупко. Алматы: Technology of Imaging, 2025.

⁵ Сулейменов О. О. Кочевники и культура: казахский эксперимент // Сулейменов О. О. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1990. С. 180.

⁶ Сулейменов О. О. Глиняная книга. Стихи. Алма-Ата: Жазушы, 1969.

⁷ Марченко А. М. Песнь песней или исторический детектив? // Литературно художественный альманах «Ар-тбухта». 2014. № 3. Международный спецвыпуск: Россия-Казахстан. С. 422.

в разных веках, в пределах разных культур и народов, сближая их собою. Разделение вырастает во взаимозависимость, ибо сближение и есть высшая задача поэзии Сулейменова» (Щербакова, 2025: 226–227).

Эта особенность творчества поэта исследована и на его лирическом, и филологическом материале, где в каждом слове зашифрован логос. Мы проследим это на материалах кинодокументалистики.

В мае 2025 г. свет увидела монография Б. Каирбекова «Я ищу сердце каждого слова» (Каирбеков, 2025), написанная им 45 лет назад и посвященная поэтической стратегии О. Сулейменова, в том числе воплотившейся и в исследуемых нами документальных фильмах.

Исследователь пишет:

«Знаковая поэтическая этимология О. Сулейменова — поэтическое воскрешение всех значений в одном корне, поиск образного корня в знаках (значениях и символах) слов. Поиск этот вообще свойство поэзии к образному восприятию слова, здесь — восприятию всех значений в одном и нескольких гнездах. Перевод или объяснение поэтом всей гармонии мира в слове» (там же: 82).

В своих предыдущих работах мы исследовали как эта поэтическая стратегия формировала историко-культурные нарративы творческой интеллигенции Казахстана второй половины XX в., преодолевшей культурные травмы седентаризма и стремившейся вписать историю казахов в культурную биографию человечества (Крупко, 2023; Абылхожин, Крупко, 2024). На этом пути Олжас Омарович прошел яркий путь от лирики и первых статей на историческую тематику до книг «Аз и Я», «Язык письма»¹, «Тюрки в доистории»² и др., вдохновив несколько поколений художников и поэтов на создание множества произведений искусства, некоторые из которых давно стали классикой. Одним из важных элементов этого интеллектуального наследия стали анализируемые нами документальные фильмы.

Попытки поиска исторической субъектности и преодоления культурных разрывов казахстанской интеллигенцией в трех исследуемых нами документальных фильмах оказались нетронуты цензурой и нашли широкого зрителя.

Особенность таких материалов в том, что они представляют важное звено интеллектуальной истории Казахстана XX в. Их создатели, вопреки сложившимся после 1991 г. нарративам, вовсе не были «безвольными винтиками» советской идеологической системы³, несмотря на то, что были интегрированы в нее на различных институциональных уровнях. Действуя в системе «благодаря — вопреки» факторов творческая интеллигенция являлась активным актором идеологических дискуссий и политики, выстраивая нарративы обретения исторической субъектности и обладая реальной возможностью влиять на происходящее. Эти вопросы требуют осмысления в т. ч. на материалах казахстанского кинематографа.

Таким образом, выбранные нами по нескольким важным признакам образцы казахстанского документального кино исследуются в статье в соответствии с их хронологической и внутренней логикой (тезис — антитезис — синтез).

«По закону сохранения дум» (тезис)

Фильм «По закону сохранения дум» 1966 г. (режиссер А. Машанов, оператор М. Дуганов, автор сценария А. Машанов, стихи О. Сулейменова, студия «Казахфильм») является самым ранним и выполняет функцию тезиса в ряду выбранных нами. Здесь воплотилась в жанре документального исторического кино первая, тезисная попытка Олжаса Сулейменова и творческой группы его соратников (А. Машанов, М. Дуганов, П. Зальцман и др.) исследовать и показать визуальную историю становления, поиска культурного наследия и исторической субъектности казахов на разломе эпох в средние века и новейшей истории.

Описать его сюжет довольно затруднительно, поскольку короткий (12 минут) без дикторского текста, фильм представляет собой медитативный видеоряд сменяющих друг друга археологических пейзажей, исследуемых археологами в 1950–1960-е гг. под музыку выдающегося казахского ком-

¹ Сулейменов О. О. Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества. Рим: San Paolo, 1998.

² Сулейменов О. О. Тюрки в доистории: о происхождении древнетюркских языков и письменностей. Алматы: Атамұра, 2002.

³ Сексенбаева Г. Советское государство и детство в 20–30-е гг. в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2018. № 90 (3). С. 132–139.

позитора Нургисы Тлендиева и стихи Олжаса Сулейменова в авторском исполнении. Здесь отсутствует линейный сюжет, ибо широкому зрителю впервые представляются картины исторического прошлого и культурного наследия Казахстана, что само по себе впечатляет, учитывая описанную выше многодесятилетнюю интериоризацию культурных стигм.

В фильме чередуются черно-белые кадры средневековых городищ на территории Казахстана, восстанавливая «времен связующую нить» прерывавшуюся в веках. Важной характеристикой фильма является то, что дикторского текста в нем нет вообще. Академический нарратив, дискредитировавший себя вместе с колебаниями идеологических линий не только в XX в., отсутствует в фильме, поскольку, как скажет автор позднее в своих публицистических работах:

«Хочу знать, с каким багажом мы пришли в XX век.

«С котомкой нищего!» — мне ответили историки»¹.

Медитативная смена кадров, то приближает, то отдаляет зрителя от наследия разрушенных городов, погружая его в размышления: По какую сторону стен разрушенного города были мои предки? Кем бы я был тогда? И кто мы сегодня?

Под звуки домбры Нургисы Тлендиева в фильме закадровый голос поэта читает стихи о прозрениях на развалинах городов и молчании городских пейзажей новейшей истории:

«Сейчас мы отвечаем за слова, на нас глядят — любой на авансцене. Когда из нас исходят Авиценны — у Азии кружится голова. Она глядит неласково, до слез, когда мы возникаем как прозренья. Своей судьбой, своими подозрениями мы молча отвечаем на вопрос»².

Это попытка разобраться в драматическом прошлом, ограниченном седентаристскими нарративами, но волнующим своей близостью. Визуальные приемы фильма демонстрируют, как автор «вглядывается» в эту тему, пытается высмотреть, «проникнуть» в прошлое и увидеть сквозь развалины древних памятников, разрушенных средневековых городов (мест утраченной жизни) и устоявших мазаров (мест памяти) картины истории, которую он смог бы назвать «своей». Камера неспешно и отстраненно, как будто в первый раз приближает зрителя к культурному наследию, осмыслить и унаследовать которое еще предстоит в идеологических дискуссиях, откровенных саморефлексиях, томах археологов, сенсациях журналистов и великих поэмах «сквозь провалы ошибок, отчаяний, самопрезрений...»³ Название фильма взято из более раннего стихотворения О. Сулейменова «Сухое вино», посвященного археологическим раскопкам в районе Шардаринского водохранилища: «Не задумано мое хотенье, по закону сохранения дум я в тенистый Мырза-щёль не тенью — желтизной осознанной приду...»⁴.

В фильме звучат отрывки и другого стихотворения, наиболее ясно выразившего драму поиска исторической субъектности — «Чем порадовать сердце?» (1962)⁵, посвященного культурным разрывам древности:

«Я — сын города, мне воевать со степью. Старики, я хочу знать, как погибли мои города?»⁶

Этот укор крайне важен, поскольку одним из аргументов отказа кочевникам в праве на субъектность в истории цивилизации было утверждение об отсутствии у них собственной непрерывной письменной историографической традиции.

Вместо иллюстрированной энциклопедической справки в фильме-поэме слово-образ выступает в полноправной и родственной взаимосвязи с образом зрительным. Здесь авторы видят и пытаются вернуть к жизни творческую волю и энергию народов Центральной Азии. Каждый кадр «По закону сохранения дум» зарифмован с предыдущим, каждый воспроизведенный памятник — звено в единой

¹ Сулейменов О. О. Кочевники и культура: казахский эксперимент. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1990.

² ЦГА КФДЗ РК (1966), арх. № 1845 «По закону сохранения дум», режиссер А. Машанов, оператор М. Дуганов, автор сценария А. Машанов, стихи О. Сулейменова, студия «Казахфильм».

³ Сулейменов О. О. Кочевники и культура: казахский эксперимент. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. Алма-Ата: Жалын, 1990.

⁴ Сулейменов О. О. Повторяя в полдень Стихи разных лет. Алма-Ата: Жазушы, 1973. С. 102.

⁵ Там же. С. 42.

⁶ Сулейменов О. О. «Ты — мой герой» // Сулейменов О. О. Собрание сочинений: в 7 т. Алма-Ата: Атамұра, 2006. Т. 6. Публицистика. С. 64.

цепи образного повествования: разрушенные города, двери, мазары, сабли, гробницы. Еще один несут визуальный нарратив фильма — работы живописца и графика Павла Зальцмана, создавшего сюиту акварелей и визуализаций портретов предков казахского народа, картин битв, страданий, плена, борьбы и отчаяния. Это визуальная история «вспышек в ночной степи», где «города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку», «когда из нас исходят Авиценны, у Азии кружится голова...»¹.

Перед зрителем встают картины жизни в степи, которая после каждого конца и культурного разрыва с трагическим упорством возвращала поколения выживших, столетиями накапливая энергию для рождения новых Авиценн.

Таким образом, тезис фильма — обретение этнокультурного наследия и попытка разобраться в культурных разрывах средних веков.

И если в официальной науке невозможно было прямо обсуждать вопросы обретения исторической субъектности, то ищущая, творческая интеллигенция находила другие поля для самовыражения. В частности, национальной интеллигенцией осуществлялось переосмысление роли таких важных и материально воплощающих «контуры нации» мест памяти, как активно исследуемые в 1960-е гг. средневековые городища, сакральные памятники, археологические объекты и окружающий их символический ресурс уже в качестве общенационального культурного наследия (это наиболее ярко прослеживается в фильмах «По закону сохранения дум» и «Память земли»). Этот процесс был отчасти исследован историком С. Штырковым, описавшим процесс перекодирования значения и идеологической функциональности религиозных памятников и обрядов в рамках хрущевской антирелигиозной кампании (от религиозного — к этнокультурному значению) (Штырков, 2011, 2015). Именно эта легализованная государством переработка (*recycling*) культурного наследия, находившегося под стигмой религиозных «пережитков», которые в 1920–1930-е гг. следовало преодолеть, а с конца 1950-х гг. предстояло вновь освоить уже в новом качестве «народных традиций», позволила аккумулировать потенциал этнического традиционализма, ставшего через 30 лет основной идеологической базой для ре-традиционализации пост-советского пространства. В предыдущих публикациях мы также исследовали на материале публикаций казахстанских археологов, как хрущевская антирелигиозная кампания способствовала рождению некоторых образов (например, Отрарская библиотека) исторической памяти (Крупко, 2022; Абылхожин, Крупко 2024). В национальных республиках этот процесс происходил, накладываясь на местные реалии (Бустанов, 2017).

Поэтому тезисный смысл фильмов подобных «По закону сохранения дум» — в обозрении культурных разрывов древности и средневековья, неизбежно проецируемых на современность. Развалины средневековых городов и полузабытые могилы предков визуализируют века прерванной истории культуры, напоминая о трагическом разломе первой половины XX в., и поэтически мощно призывая преодолеть этот разрыв. В этом фильме этнокультурные, локальные проблемы доминируют над всемирным контекстом.

«История знака коровы»: от культурного разрыва к радикальному прорыву (антитезис)

Следующий фильм «История знака коровы» стал антитезисом, придав локальной истории контекст мировой культуры. 1968 г., когда создавался фильм был одним из самых драматически насыщенных и, в некотором отношении, исторически рубежных годов второй половины XX в. в мире. В этом году происходят события, во многом определившие последующую историю культуры человечества на десятилетия вперед: студенческий Красный май во Франции, убийство Мартина Лютера Кинга в США, Пражские события и ввод танков в Чехословакию, апофеоз свободной революции хиппи и рок-культуры, стремительная деколонизация Африки и конец оттепели в СССР.

Все эти события в той или иной мере определяли экзистенциальный и культурный климат эпохи, отражаясь и в творчестве поэтов-шестидесятников.

¹ ЦГА КФДЗ РК (1966), арх. № 1845 «По закону сохранения дум», режиссер А. Машанов, оператор М. Дуганов, автор сценария А. Машанов, стихи О. Сулейменова, студия «Казахфильм».

1968 г. был очень насыщен и для Олжаса Сулейменова. В этом году он создает парадоксальную «Глиняную книгу» (опубликована в 1969 г.¹), которую написал вместо заказанного идеологическим руководством республики поэтического произведения к 100-летию Ленина. Несколько поэтических и визуальных цитат из поэмы можно увидеть в данном фильме.

В том же 1968 г. у гробницы Ганди он пишет одно из своих самых сильных и откровенных стихотворений «Минута молчания на краю света»². Произведение посвящено великому гандисту, лидеру движения за права чернокожего населения США Мартину Лютеру Кингу на следующий день после его убийства.

И, наконец, в том же году он вместе с художником Юрием Мингазитдиновым создает ни на что не похожий фильм «История знака коровы», в котором впервые визуализирует начальные положения его новой научной теории о происхождении слов и явлений культуры — археологии знака и слова, воплотившейся впоследствии в проект этимологии знаний.

Фильм представляет собой, возможно, единственный образец казахстанского кино, выламывающего жанровые рамки кинематографического искусства, нетривиально отвечающего на вопросы обретаемой исторической памяти и субъектности. Формально он принадлежит жанру художественной документалистики, однако не поддается ни одному определению, содержа элементы игрового и культурно-просветительского содержания.

Здесь авторы излагают начальные положения теории культурогенеза Олжаса Сулейменова о звукоподражательном и знакоподражательном этапе происхождения культуры Человека Разумного. Автор прослеживает, как древнейший «знак коровы» влиял на развитие знаковых систем *Homo Sapiens* и проявлялся в различных культурах. Как справедливо заметил антрополог Н. Маничкин, «Историю знака коровы можно назвать первым деколониальным кино Центральной Азии» (Маничкин, 2023: 335).

Фильм является антитезисом в избранной и исследуемой нами триаде. «По закону сохранения дум» пытается действовать в рамках, существующих в 1960-е гг., исторических вопросов, нарративов и бинарных оппозиций «кочевого — оседлого», достаточно традиционных визуальных приемов, «прорабатывая» культурную травму «внеисторичности» пост-кочевой культуры, в то время как «История знака коровы» совершает радикальный прорыв — от культурного разрыва в сторону открытия начал истории человечества. От дурной бесконечности исторической травмы — к началу культур *Homo Sapiens*, обязанных своему развитию взаимодействию с животным миром (быку). От локального к планетарному. Вместо того, чтобы вновь разбираться в «наследовании вины» и проблемах этнокультурного наследия, автор резко укрупняет масштаб на карте времени, чтоб зафиксировать или исследовать настоящее культурное наследие человечества.

В фильме рождается голос казахского поэта как редактора мировой историографии. Тезису первого фильма, не выходящего за пределы этнокультурного наследия, автор противопоставил планетарный антитезис всемирного значения. Здесь впервые раскрывается сюжет, ставший, согласно последующей теории культурогенеза Олжаса Сулейменова, базовым, формо- и смысло-образующим, породив великое множество образов в культурах Человека Разумного). Сакральные знаки и символы, предстающие в кино: полумесяц на экваторе, совмещенный в представлениях древних с рогами быка и озвученный его речью — знак, породивший лунные религии и миграции человечества, толкование и развитие этих главных символов развивали человеческий язык и культуру³.

Таким образом, «История знака коровы» является кинематографическим антитезисом предыдущего документального кино «По закону сохранения дум» в ряду исследуемой нами триаде, преодолевая локальные этнические дихотомии и предлагая зрителям и исследователям непривычный простор мысли, пробужденной подлинным искусством и поэтическими прозрениями о начале культур. Осмысление культурного наследия здесь поднимается на уровень всемирного звучания, редактируя мировую историю и открывая ее истоки.

Это один из немногих случаев в казахстанской историографии, экранизированный в документальном кино, когда автора волнуют не этноцентристские проблемы, а происхождение и сближение культур.

¹ Сулейменов О. О. Глиняная книга. Стихи. Алма-Ата: Жазушы, 1969.

² Сулейменов О. О. Повторяя в полдень Стихи разных лет. Алма-Ата: Жазушы, 1973. С. 68.

³ Сулейменов О. О. Так было... Алматы: Service press, 2023. С. 328.

«Память земли» (синтез научного и поэтического)

В гегелевской триаде исследованных нами документальных фильмов «Память земли» осуществляется синтез. Кино сочетает традиционный материал «По закону сохранения дум» и нарративы, обогащенные свободной историософией «Истории знака коровы», драматический поиск наследия субъектности первого фильма и энергию удивительных открытий второго. «Память земли» раскрывает историю народов, проживавших на территории Казахстана, но проводит неожиданные для академического нарратива, пересекающиеся исторические параллели тюркской и шумерской культур — темы, впоследствии ставшей основой для второй части книги Олжаса Сулейменова «Аз и Я» и историко-лингвистического поиска автора длиной в жизнь. В фильме раскрывается полифония научного и художественного, а визуальный ряд «держится» на стихотворениях, как и в первом фильме читаемых автором. Любопытно, что поэт — единственный активно участвующий субъект в этом кино, в то время как несколько ученых, представленных в нем, проявлены лишь в виде фотографий и закадрового голоса. Научным консультантом этого документального кино выступил академик АН КазССР А. Х. Маргулан.

Рефреном фильма звучит тема исторических разрывов и разломов, а также их преодоления через обретение субъектности и культурного наследия. После «Истории знака коровы» представить исторический масштаб сближения мировых культур через сюжеты и образы казахской истории зрителю поэтически легко и убедительно. Кроме того, постоянное скольжение взгляда телекамеры по развалинам средневековых городов и мазарам возвращает зрителя к теме утраченных культур и знаний прошлого, что с неизбежностью проецируется на культурные разрывы XX в. Фильм завершают кадры пристального взгляда каменных изваяний в глаза зрителю, виды разрушенных городов, неразгаданные письменные знаки на серебряной чаше из Иссыкского кургана и стихи из поэм «Глиняная книга» и «От января до апреля».

Фильм «Память земли» 1970 г. завершает исследованную в рамках нашей статьи трилогию и подводит определенный итог десятилетию 1960-х гг., определившему основные сюжеты, образы и темы развития казахстанской культуры и исторической памяти следующей половины столетия. Именно в это десятилетие в казахстанской гуманитаристике, включая археологию и литературу, были совершены важнейшие открытия, позволившие национальной интеллигенции начать масштабное освоение культурного наследия и обретение исторической субъектности. Достаточно вспомнить открытие «Золотого человека» (Акишев, 1978), чей образ и символ позволил «продлить» хронологию казахстанской историографии еще на тысячелетие (Акишев, 1984) или масштабные раскопки Отрара — центрального археологического объекта для хронотопа «золотого века» средневековой городской культуры (Акишев, Ерзакович, Байпаков, 1972; Байпаков, 2014). О произведениях казахстанской литературы 1960–1970-х гг., содержащих колоссальный и до сих пор неисчерпанный эвристический потенциал интеллектуальной свободы, открыто или эзоповым языком переданной советскому читателю, уже было сказано выше.

Этим фильмом закончился важный этап «осевой» для казахстанской культуры эпохи 1960-х гг., сформировавшей хронотоп исторической памяти казахстанского общества и ее смыслообразующее содержимое — драматические и сложные образы средневековой городской культуры, диалектика обретения и формирования исторической памяти о границах своей истории и попытки преодоления этих границ в диалоге и противостоянии с идеологическими границами советского государства. 1960-е названы нами «осевой эпохой» для казахстанской культуры, поскольку именно в это десятилетие зрел многосложный континуум образов и смыслов, парадигм и нарративов, травм и открытий, ставший основой новой субъектности Казахстана.

Развитие казахстанской кинодокументалистики в последующие годы

Во второй половине XX в. представители творческой интеллигенции, преодолевая историко-культурные стигмы, пытались привлечь внимание ученых к подлинной истории и проблеме культурного наследия кочевников, хронологические границы которого не всегда совпадали с территориальными границами, обозначенными в XX в.

Сложную диалектику этих поисков отразили рефлексии творческой интеллигенции тех лет¹.

¹ Ауэзов М. М. Дневники: уйти, чтобы вернуться. Алматы : Жибек жолы, 2011.

Так в своих дневниках 1970-х гг. М. Ауэзов, долгое время работавший редактором на Киностудии «Казахфильм» кратко и точно сформулировал афоризм, раскрывающий суть творческого метода обретения субъектности, возможного для представителей национальной интеллигенции советского периода в нарративах искусства, но не науки: «Кровоточат раны — не в храме академизма им исцеление»¹.

Эта формула говорит и о его личном опыте. В 1976 г. составленный им научный сборник «Эстетика кочевья», изданный Институтом философии СССР тиражом 3 тыс. экземпляров, представлявший одну из первых попыток ответить на волновавшие национальную интеллигенцию экзистенциальные вопросы обретения исторической субъектности, был изъят и уничтожен служителями госбезопасности². Несмотря на это, через некоторое время Мурат Мухтарович продолжил активную работу по осмыслению наследия кочевой культуры казахов, заняв одну из руководящих должностей в Обществе охраны памятников (1980–1982). Продолжив работать на киностудии «Казахфильм» (1982–1988), он вернулся к активной общественно-политической деятельности в должности вице-президента Международного антиядерного Движения «Невада-Семипалатинск» (1989–1991).

Исследуя все эти факторы, можно увидеть, что, осваивая жанр документального кино как форму поиска и утверждения исторической субъектности, казахская интеллигенция двигалась все более уверенно. Об этом свидетельствует еще один документальный фильм «Писатели двух континентов» А. Машанова о V Конференции писателей стран Азии и Африки (1973 г.), проведенной в Алма-Ате с поистине всемирным размахом³. В свое время это событие позволило республике не только впервые стать международной площадкой для обсуждения идей деколонизации и обретения исторической субъектности в диалоге с миром, но и продемонстрировало активное участие Казахстана в культурных процессах планеты. Конференция имела определяющее значение для репрезентации обретаемой казахстанской интеллигенцией активности: действуя локально на глобальном уровне и используя советский идеологический язык как форму для необходимого содержания.

Так, например, Д. А. Кунаевым было зачитано приветствие Л. И. Брежнева к участникам конференции, некоторые тезисы которого актуальны и сегодня:

«Плодотворная деятельность Ассоциации писателей стран Азии и Африки, существующей свыше 15 лет, способствует росту взаимопонимания между народами, борьбе за идеалы мира, свободы, национальной независимости и социального прогресса. Советские люди неизменно солидарны со свободолюбивой борьбой народов Азии и Африки против империализма, колониального и расистского гнета. Мы неизменно поддерживаем борьбу народов Африки за ликвидацию колониальных и расистских режимов. От всей души желаю участникам V конференции писателей стран Азии и Африки успешной работы и больших творческих свершений во имя мира, демократии, национальной независимости и социального прогресса»⁴.

Обсуждение колониальных и постколониальных проблем угнетенных капиталистическими державами сообществ не только должно было навести интеллектуалов советской Центральной Азии на мысли о состоянии собственных народов, но и, весьма вероятно, было способом иносказательно поговорить о собственных проблемах субъектности. Во всяком случае, на конференции активно работали литераторы, ставшие со временем классиками и выразителями этнокультурной и исторической субъектности, каковая является осью национального строительства, что отразилось и в документальной хронике о прошедшей конференции и в исследованных нами документальных фильмах.

Заключение

Предпринятый нами анализ трех документальных фильмов студии «Казахфильм», созданных с 1966 по 1970 гг., открывает для современной казахстанской историографии большую исследовательскую тему поиска казахской интеллигенцией исторической субъектности и культурного наследия на локальном и глобальном уровнях диалога и сближения с мировой культурой. Диалектику этого поиска отражает даже взаимозависимое становление фильмов «По закону сохранения дум», «История знака

¹ Там же. С. 71.

² Там же. с. 65

³ ЦГА КФДЗ РК (1973), арх. № 3449 «Писатели двух континентов», режиссер А. Машанов, операторы Б. Арстанбеков, Б. Даулбаев, А. Ишанов, автор сценария А. Машанов, студия «Казахфильм».

⁴ Там же.

коровы» и «Память земли» исторически выстроившихся в гегелевскую триаду тезиса — антитезиса — синтеза.

Исследование идеологических дискуссий на материалах документального кино позволяет понять, как идеологи, транслировавшие седентаристскую иерархию культур, проводили в республиках «научение этничности», но в итоге сформировали у советских пост-кочевых народов травмированную субъектность. И все же, часть творческой интеллигенции посвятила жизнь преодолению травматических образов «тупиковой исторической роли» номадизма, навязанных седентаристской историографией.

Однако в результате, следуя тому же стремлению преодолеть культурную травму «внеисторичности», но не преодолевая саму логику иерархии «кочевого как регрессивного — оседлого как прогрессивного», большинство представителей гуманитарного сообщества Казахстана не выстроило внутренних границ своей исторической субъектности, оказавшись в ловушке между представлениями о примордиальной неспособности к историческому созиданию и рецепцией культурного наследия городов Центральной Азии, располагавшихся на территории Казахской ССР. Границы между подлинным и конструируемым культурным наследием пост-номадизма перемешались в XX в. и выровнялись колоссальными усилиями творческой интеллигенции Казахстана, чей вклад в интеллектуальное наследие человечества был по большей части забыт после 1991 г.

Ситуация перманентных культурных разрывов, включая тот, который казахстанское общество переживает в настоящее время, породила исторические нарративы, сначала обесценивающие, а затем просто «забывшие» историю обретения казахской интеллигенцией советского периода исторической субъектности. В такой упрощенной картине мира, состоящей из «непреодолимых» дихотомий «национального или советского», судьба казахстанской культуры второй половины XX в. видится незавидным продуктом существования *Homo soveticus*, которому нечего было терять, кроме тисков командно-административной системы. Такой взгляд неспособен увидеть в творчестве казахстанской интеллигенции колоссальный культурогенный потенциал, гениальные прозрения и исследовать ее интеллектуальную историю, опережавшую многие мировые аналоги деколонизированных обществ двадцатого века.

Поиск и обретение обновленной исторической субъектности казахстанского общества новыми поколениями творческой интеллигенции (среди которых главным творцом был и остается О. Сулейменов) проводился в равной мере, как в соответствии с идеологическими приоритетами советского государства, так и в виде открытых интеллектуальных протестов против них. Одной из ключевых стратегий стал поиск субъектности через внутренний диалог с мировой культурой (поиск в истории фактов влияния номадов на цивилизации древности).

Таким образом, исследованные нами три документальных фильма больше говорят не о своем содержании, а о времени, в котором они создавались. Их анализ позволил проследить драматически насыщенную историю поиска и обретения казахстанской интеллигенцией исторической субъектности, поэтически выраженную в диалектике тезиса, антитезиса и синтеза, привнесенных в интеллектуальную историю документального кино Казахстана Олжасом Сулейменовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашин, С. Н. (2015) Советский кишлак: между колониализмом и модернизацией. М. : Новое литературное обозрение. 848 с.

Абикеева, Г., Сабитов, А. (2020) Кино советского Казахстана: как работали советские идеологемы // Acta Slavica Iaponica. Т. 41. С. 47–72.

Абылхожин, Ж. Б. (2022) Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: культурные и социально-экономические аспекты. Алматы : LEM. 300 с.

Абылхожин, Ж. Б., Крупко, И. В. (2022) Исторические сюжеты и образы обретения национальной и общесоветской субъектности казахов в кинематографе 50–60-гг. XX в. // Вестник Казахского Национального. Серия «Исторические и социально-политические науки». № 2 (73). С. 217–223. DOI: <https://doi.org/10.51889/2022-2.1728-5461.21>

Абылхожин, Ж. Б., Крупко, И. В. (2024) Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке // Новые исследования Тувы. №. 3. С. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

- Акишев, К. А. (1978) Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М. : Искусство. 132 с.
- Акишев, А. К. (1984) Искусство и мифология саков. Алма-Ата : Наука. 176 с.
- Акишев, К. А., Агеева, Е. И. (1958) Древние памятники Казахстана. Алматы : Казахское государственное издательство. 60 с.
- Акишев, К. А., Ерзакович, Л. Б., Байпаков, К. М. (1972) Древний Отрар (Топография, стратиграфия, Перспективы). Алматы : Наука. 214 с.
- Асфендияров, С. (1930) Ислам и кочевое хозяйство // Атеист. № 58. С. 3–18.
- Ауэзов, М. М. (1993) Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством. Алматы : Гылым. 264 с.
- Байпаков, К. М. (2014) Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, Отрарского оазиса и Казахстана // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции / отв. ред. О. В. Кузнецова. Алматы : б. и. 306 с. С. 8–14.
- Бустанов, А. (2017) Между нацией и артефактом: восточная археология в советском Казахстане // Мусульмане в новой имперской истории: сборник статей / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников и др. М. : ООО «Садра». 424 с. С. 76–98.
- Гегель, Г. В. (1997) Наука логики. СПб. : Наука. 800 с.
- Джанпеисова, М. (2021) Кино как культурный фактор истории. Шакен Айманов, «Земля отцов» («Атамекен») // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». Т. 2. №. 69. DOI: <https://doi.org/10.51889/2021-2.1728-5461.06>
- Ерекешева, Л. Г. (2024) Интеллектуальный дискурс нациестроительства: национализм и осмысление истории в Индии // Новые исследования Тувы. №. 4. С. 310–324. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.20>
- Каирбеков, Б. Г. (2025) «Я ищу сердце каждого слова». Поэтика Олжаса Сулейменова. М. : Алмавест. 104 с.
- Кореневский, А. В. (2014) Эволюция «цивилизационной парадигмы» в трудах Шпенглера, Тойнби, Хантингтона: тезис, антитезис, синтез // Научная мысль Кавказа. № 3 (79). С. 35–44.
- Крадин, Н. И., Бондаренко, Д. М. (2002) Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Институт Африки РАН. 201 с.
- Краснопольская, Я. В. (2018) Основные архетипические образы в казахском кино советского периода // Актуальные научные исследования в современном мире. №. 5–7. С. 87–93.
- Крупко, И. В. (2022) Отырар кітапханасының бейне және нарратив семиозисі: жоғалған ағартушылықты іздестіру барысында [Семиозис образа и нарратива Отрарской библиотеки: в поисках утраченного просвещения] // Электронный научный журнал «edu. e-history. kz». Т. 9. №. 3. С. 112–125. DOI: <https://doi.org/10.51943/2710-3994>
- Крупко, И. В. (2023) Переизобретение исторической субъектности казахов в творчестве Олжаса Сулейменова 1960-х гг. // Уральский исторический вестник. № 1 (78). С. 123–132. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)
- Лиджиева, И. В. (2023) «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 2 (75). С. 11–20.
- Маничкин, Н. А. (2023) Взаимозависимое становление: поэтическая реинтерпретация символов и образов исторической памяти в Казахстане // Электронный научный журнал «edu. e-history. kz». Т. 10. №. 2. С. 334–346. DOI: https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_34_2_334-346
- Маничкин, Н. А. (2024) Народный орнамент в советской кинодокументалистике Казахстана и Кыргызстана: этапы фиксирования и осмысления исторической памяти // Новые исследования Тувы. № 2. С. 285–299. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.17>
- Маргулан, А. Х. (1950) Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата : Издательство АН КазССР. 122 с.
- Мартин, Т. (2002) Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // Ab Imperio. № 2. С. 55–87.
- Масанов, Н. Э. (2011) Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, доп. Алма-Ата : Print-S. 740 с.

Потанин, Г. Н. (1899) Восточные мотивы в западноевропейском средневековом эпосе. М. : Издание географического отделения императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 893 с.

Радлов, В. В. (1989) Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука. 752 с.

Сафронова, Д. А. (2019) Историческая память: введение. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 260 с.

Синицын, Ф. Л. (2019) Советское государство и кочевники. История, политика, население. 1917–1991. М. : Центрполиграф. 318 с.

Синицын, Ф. Л. (2021) Россия и кочевники. От древности до революции. М. : Издательство ВЕЧЕ. 288 с.

Тойнби, А. Дж. (1995) Цивилизация перед судом истории. М. : Прогресс — Культура; СПб. : Ювента. 478 с.

Толстов, С. П. (1934) Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества ; Пленум Гос. акад. истории материальной культуры. 20–22 июня 1933 г. / С. Н. Быковский, Е. К. Некрасова, А. С. Поляков, А. Г. Пригожин, В. И. Равдоникас, С. П. Толстов, А. Д. Удальцов, М. М. Бвибак; отв. ред. А. С. Пригожин. М. : ОГИЗ Социально-экономическое издательство. Вып. 103. 395 с. С. 125–138.

Хазанов, А. М. (2002) Кочевники и внешний мир. 3-е изд. Алматы : Дайк-Пресс. 604 с.

Хобсбаум, Э. (2000) Изобретение традиций // Вестник Евразии. № 1. С. 47–62.

Челинцев, А. Н. (1928) Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. № 4–5. С. 1–39.

Швецов, С. П. (1926) Природа и быт Казахстана: Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Л. : Наркомзем Казак. АССР. 186 с.

Штырков, С. (2011) Советские корни этнического традиционализма: случай Северной Осетии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 4. С. 66–79.

Штырков, С. (2015) Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб. : Издательство Европейского университета. 280 с.

Щербакова, Т. (2025) Огня силуэт // Бильгамеш. Вып. № 12. С. 226–228.

Дата поступления: 24.05.2025 г.

Дата принятия: 19.06.2025 г.

REFERENCES

Abashin, S. N. (2015) *The Soviet Kishlak: Between Colonialism and Modernization*. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*. 848 p. (In Russ.)

Abikeeva, G. and Sabitov, A. (2020) Cinema of Soviet Kazakhstan: How Soviet Ideologemes Worked. *Acta Slavica Iaponica*, vol. 41, pp. 47–72. (In Russ.)

Abylkhozhin, Zh. B. (2022) *Essays on the History of the Traditional Structure of the Kazakhs in the First Soviet Decades: Cultural and Socio-Economic Aspects*. Almaty, LEM. 300 p. (In Russ.)

Abylkhozhin, Zh. B. and Krupko, I. V. (2022) Historical Plots and Images of the Gaining of National and All-Union Kazakh Subjectivity in 1950s–1960s Cinema. *Vestnik Kazakhskogo Natsional'nogo universiteta. Seriya "Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki"*, no. 2 (73), pp. 217–223. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.51889/2022-2.1728-5461.21>

Abylkhozhin, Zh. B. and Krupko, I. V. (2024) Ideological Debates and the Search for the Historical Subjectivity of Kazakhstani Society in the Twentieth Century. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 265–278. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

Akishev, K. A. (1978) *The Issyk Kurgan: The Art of the Saka of Kazakhstan*. Moscow, *Iskusstvo*. 132 p. (In Russ.)

Akishev, A. K. (1984) *Art and Mythology of the Saka*. Alma-Ata, Nauka. 176 p. (In Russ.)

Akishev, K. A. and Ageeva, E. I. (1958) *Ancient Monuments of Kazakhstan*. Alma-Ata, Kazakh State Publishing House. 60 p. (In Russ.)

Akishev, K. A., Erzakovich, L. B. and Baipakov, K. M. (1972) *Ancient Otrar (Topography, Stratigraphy, Prospects)*. Alma-Ata, Nauka. 214 p. (In Russ.)

Asfendiarov, S. (1930) Islam and Nomadic Economy. *Ateist*, no. 58, pp. 3–18. (In Russ.)

Auezov, M. M. (1993) *Nomads. Aesthetics: Understanding the World Through Traditional Kazakh Art*. Almaty, Gylm, 264 p. (In Russ.)

Baipakov, K. M. (2014) On the History of the Study of the Archaeological and Cultural Heritage of Otrar, the Otrar Oasis, and Kazakhstan. In: *Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 40th Anniversary of the South Kazakhstan Integrated Archaeological Expedition*, ed. O. V. Kuznetsova. Almaty, s. n. 306 p. Pp. 8–14. (In Russ.)

Bustanov, A. (2017) Between Nation and Artifact: Oriental Archaeology in Soviet Kazakhstan. In: *Muslims in the New Imperial History: Collected Articles*, ed. and comp. by V. O. Bobrovnikov et al. Moscow, OOO “Sadra”. 424 p. Pp. 76–98. (In Russ.)

Hegel, G. V. (1997) *Science of Logic*. St. Petersburg, Nauka. 800 p. (In Russ.)

Dzhangazina, M. (2021) Cinema as a Cultural Factor in History. Shaken Aimanov, ‘Homeland of Fathers’ (‘Atameken’). *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya “Istoricheskie i sotsial’no-politicheskie nauki”*, vol. 2, no. 69. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.51889/2021-2.1728-5461.06>

Erekesheva, L. G. (2024) Intellectual Discourse on Nation-Building: Nationalism and Historical Understanding in India. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 310–324. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.20>

Kairbekov, B. G. (2025) ‘I Seek the Heart of Every Word’: *The Poetics of Olzhas Suleimenov*. Moscow, Almavest. 104 p. (In Russ.)

Korenevskii, A. V. (2014) The Evolution of the ‘Civilizational Paradigm’ in the Works of Spengler, Toynbee, Huntington: Thesis, Antithesis, Synthesis. *Nauchnaya mysl’ Kavkaza*, no. 3 (79), pp. 35–44. (In Russ.)

Kradin, N. I. and Bondarenko, D. M. (2002) *The Nomadic Alternative to Social Evolution*. Moscow, Institut Afriki RAN. 201 p. (In Russ.)

Krasnopol’skaya, Ya. V. (2018) Main Archetypal Images in Kazakh Cinema of the Soviet Period. *Aktual’nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*, no. 5–7, pp. 87–93. (In Russ.)

Krupko, I. V. (2022) The Semiosis of Image and Narrative in Otrar’s Library: In Search of Lost Enlightenment. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal “edu.e-history.kz”*, vol. 9, no. 3, pp. 112–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.51943/2710-3994>

Krupko, I. V. (2023) The Reinvention of Kazakh Historical Subjectivity in the Creative Work of Olzhas Suleimenov in the 1960s. *Ural’skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (78), pp. 123–132. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)

Lidzheeva, I. V. (2023) ‘Accustoming to Sedentism’: Imperial Policy in Alien Territories. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul’tura*, no. 2 (75), pp. 11–20. (In Russ.)

Manichkin, N. A. (2023) Interdependent Formation: Poetic Reinterpretation of Symbols and Images of Historical Memory in Kazakhstan. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal “edu.e-history.kz”*, vol. 10, no. 2, pp. 334–346. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.51943/2710-3994_2023_34_2_334-346

Manichkin, N. A. (2024) Folk Ornament in Soviet Documentary Cinema of Kazakhstan and Kyrgyzstan: Stages of Fixing and Understanding Historical Memory. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 285–299. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.17>

Margulan, A. Kh. (1950) *From the History of Cities and Building Art in Ancient Kazakhstan*. Alma-Ata, AN KazSSR. 122 p. (In Russ.)

Martin, T. (2002) The Empire of Positive Action: Is the Soviet Union the Highest Form of Imperialism? *Ab Imperio*, no. 2, pp. 55–87. (In Russ.)

Masanov, N. E. (2011) *Nomadic Civilization of the Kazakhs: Foundations of the Life of a Nomadic Society*. 2nd ed. Alma-Ata, Print-S. 740 p. (In Russ.)

Potanin, G. N. (1899) *Eastern Motifs in West European Medieval Epic*. Moscow, Izdanie geograficheskogo otdeleniya Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii. 893 p. (In Russ.)

Radlov, V. V. (1989) *From Siberia: Pages from a Diary*. Moscow, Nauka. 752 p. (In Russ.)

Safronova, D. A. (2019) *Historical Memory: An Introduction*. St. Petersburg, Izdatel’stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 260 p. (In Russ.)

Sinitsyn, F. L. (2019) *The Soviet State and Nomads: History, Politics, Population. 1917–1991*. Moscow, Tsentrpoligraf. 318 p. (In Russ.)

Sinitsyn, F. L. (2021) *Russia and Nomads: From Antiquity to Revolution*. Moscow, VECHE Publ. 288 p. (In Russ.)

- Toynbee, A. J. (1995) *Civilization on Trial*. Moscow, Progress — Kul'tura; St. Petersburg, Yuventa, 478 p. (In Russ.)
- Tolstov, S. P. (1934) The Genesis of Feudalism in Nomadic Pastoral Societies. In: *Basic Problems of the Genesis and Development of Feudal Society*; Plenum of the State Academy of the History of Material Culture, June 20–22, 1933, ed. by S. N. Bykovsky et al.; ed.-in-chief A. S. Prigozhin. Moscow, OGIZ Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. Issue 103. 395 p. Pp. 125–138. (In Russ.)
- Khazanov, A. M. (2002) *Nomads and the Outside World*. 3rd ed. Almaty, Daik-Press. 604 p. (In Russ.)
- Hobsbawm, E. (2000) The Invention of Tradition. *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 47–62. (In Russ.)
- Chelintsev, A. N. (1928) Prospects for the Development of Agriculture in Kazakhstan. *Narodnoe khozyaistvo Kazakhstana*, no. 4–5, pp. 1–39. (In Russ.)
- Shvetsov, S. P. (1926) *The Nature and Life of Kazakhstan: Kazakh Domestic Economy in Its Natural-Historical and Everyday Conditions*. Leningrad, Narkomzem Kazak. ASSR, 186 p. (In Russ.)
- Shtyrkov, S. (2011) The Soviet Roots of Ethnic Traditionalism: The Case of North Ossetia. *Neprikosnovennyi zapas. Debates on Politics and Culture*, no. 4, pp. 66–79. (In Russ.)
- Shtyrkov, S. (2015) *The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet Context*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 280 p. (In Russ.)
- Shcherbakova, T. (2025) Silhouette of Fire. *Bilgamesh*, no. 12, pp. 226–228. (In Russ.)

Submission date: 24.05.2025.

Acceptance date: 19.06.2025.